

Токио, Гиндза Иттёмэ

В фешенебельном ресторане в Гиндзе Иттёмэ, в самом сердце Токио, Хаякава Аки изо всех сил пытался воззвать к голосу разума. Присутствие Дэндзи и Пауэр обязывало к крайней осторожности. Аки настойчиво убеждал Годжо Сатору перенести бронь из общего зала в отдельный кабинет — иначе позора было не избежать.

Сатору, по правде говоря, сгорал от любопытства и предвкушал зрелище, надеясь посмотреть, какой хаос устроит эта парочка. Однако стоило Гето Сугуру поддержать предложение Аки, как Годжо нехотя уступил и согласился на приватный кабинет.

Ресторан встретил их вычурным барочным великолепием в духе чистейшего максимализма. Стены и потолок украшала объемная лепнина, в тяжелых позолоченных рамах висели картины сочных, кричащих тонов — всё вокруг буквально дышало показной роскошью.

Отдельный кабинет ничуть не уступал основному залу. С потолка свисала помпезная хрустальная люстра, отбрасывающая мириады бликов на длинный обеденный стол прямо под ней. Стол утопал в пышных букетах живых цветов и разномастных золоченых подсвечниках. Вокруг него чинно теснились глубокие кресла из тяжелого алого бархата, идеально сочетавшиеся по цвету с портьерами.

Компания ввалилась в кабинет с шумом и гамом. Пауэр, летевшая впереди всех, подобно любопытной кошке, принялась с восторгом исследовать каждый угол.

Дэндзи следовал по пятам. Не успел он даже присесть, как Пауэр бесцеремонно притащила его к тяжелым портьерам.

— Великая Пауэр почуяла крысу! — завопила она. — Чистая правда, я сама видела! Живо, Дэндзи, лови ее!

— Да откуда здесь взяться крысам... — проворчал Дэндзи, закатывая глаза, но послушно протянул руку и резко отдернул бархатную ткань.

За портьерой действительно кто-то был. Крошечное проклятие — нелепое создание, у которого под уродливой головой сразу росла укороченная ступня — застыло с разинутым ртом. Обведя взглядом комнату, до отказа набитую сильнейшими магами, несчастный дух затрясся от первобытного ужаса.

Если бы проклятие могло мыслить человеческими категориями, оно наверняка поведало бы миру историю о том, как умудрилось с первого шага на воле угодить прямиком в змеиное кубло магов.

Тварь отчаянно дрожала, но, лишившись своего укрытия, внезапно обезумела от страха. Сильно оттолкнувшись единственной лапой от пола, она пулей метнулась прямо в лицо Дэндзи.

— А-ха-ха-ха! Говорила же, крыса! — покатила со смеху Пауэр, когда застигнутый врасплох Дэндзи с грохотом повалился на спину.

Дэндзи лишь насупился от обиды.

Впрочем, торжествовать мелкому духу не пришлось. Не успел он коснуться пола после своего триумфального броска, как Хаякава Аки ловко перехватил его в воздухе и без лишних церемоний раздавил в кулаке.

Вытерев ладонь влажной салфеткой, Аки наклонился и рывком поднял Дэндзи за шиворот.

— А ну сели за стол оба, — скомандовал он ледяным тоном. — Будете паясничать — останетесь без ужина.

Угроза подействовала мгновенно, усмирив обоих блондинов.

— Слушаемся, сэмпай. Поняли, сэмпай, — послушно завели они в один голос.

Отчеканенные фразы прозвучали монотонно, будто у роботов-автоматов, хотя стоило Аки отвернуться, как Пауэр тут же скорчила ему вслед препротивную гримасу.

Харе молча наблюдал за этой сценой.

«Детский сад, — мысленно фыркнул он. — Чистой воды малолетки».

Считая себя образцом зрелости и благоразумия, юноша снисходительно покачал головой. С великим трудом подтащив тяжелое бархатное кресло, он бесцеремонно втиснулся на нем прямо между Годжо Сатору и Гето Сугуру.

Сатору и Сугуру недоуменно переглянулись поверх головы самодовольно усевшегося подростка. На лицах обоих застыл немой вопрос.

Аки и Сёко, будучи собутыльниками со стажем, устроились рядышком, намереваясь пропустить по бокалу. К их легкому разочарованию, в винной карте ресторана значились лишь шампанское и дорогие сухие вина, хотя оба втайне предпочли бы традиционное саке.

За обедом тишиной и не пахло. Пауэр ураганом прошла по чужим тарелкам, бесцеремонно таская самые лакомые кусочки у каждого соседа. Покуситься она не рискнула разве что на

порцию Годжо Сатору.

У Харе, напротив, настроение было превосходным, да и аппетит наконец-то вернулся. Он с явным удовольствием расправился со своей порцией нежного мяса, как вдруг по его спине пробежал ледяной сквозняк предчувствия.

— Погодите-ка... — пробормотал он, опустив приборы. — У меня такое ощущение, будто мы забыли о чем-то безумно важном.

— О-хо-хо, у меня то же самое! — легкомысленно отозвался Сатору, подперев подбородок ладонью и расплываясь в довольной улыбке.

Сидевшая напротив Сёко лениво взглянула на них сквозь пышные бутоны на столе и буднично заметила:

— Вообще-то сегодня после обеда у нас занятие с учителем Ягой.

Сугуру сверился с наручными часами и с явным злорадством добавил:

— Если прикинуть время... прямо сейчас наш дорогой учитель Яга заходит в пустой кабинет.

Харе онемел. Сатору тоже лишился дара речи.

— Погодите-ка, — прервал молчание Сатору, когда до него наконец дошел весь трагизм ситуации. — Вы двое вообще-то тоже должны быть там. Чего вы такие спокойные?

— Ну как же, — в унисон отозвались Сугуру и Сёко с обезоруживающими улыбками. — Мы единогласно решили свалить всё на тебя. Скажем, это ты нас подбил сбежать!

Сатору, который только-только занес серебряную ложечку над изысканным десертом, так и застыл.

— Чё-о-о?! — возмутился он.

Харе рядом с ним, напротив, облегченно выдохнул.

— Фух, слава богу, хоть не мне отдуваться. Удачи тебе, па-а-а... — Парень едва не ляпнул привычное «папа» и вовремя прикусил язык. — ...па-а-арень, в общем, держись.

Поняв, как близко он подошел к провалу, Харе густо покраснел до самых ушей и поспешно зашелся деланным кашлем:

— Кхм! Извините, горло что-то перехватило.

После обеда вся компания дружно отправилась по магазинам выбирать для Харе предметы первой необходимости. Но когда подошло время расплачиваться на кассе, изнеженный молодой господин, никогда в жизни не знавший нужды, внезапно осознал горькую истину: черт, у него же нет ни иены в кармане.

Все его банковские счета в будущем были привязаны к безлимитной карте Сатору...

Не желая позориться перед остальными, Харе, пока никто не заметил, поспешно свалил все выбранные товары обратно на полки.

Но несмотря на эту заминку, к моменту, когда они наконец добрались до территории Технической школы магии, сумерки уже густо окутали окрестности.

Возле главных ворот, под сенью массивного каменного тории, их уже поджидали. Две мягкие уродливые куклы-проклятия Яги яростно подпрыгивали на месте и демонстративно разминали пухлые кулаки.

Хотя Сёко и Сугуру планировали свалить всю вину на Сатору, уйти от возмездия не удалось никому. Разгневанный учитель Яга щедро раздал затрещины каждому, после чего обязал всю честную компанию написать покаянное эссе на три тысячи иероглифов.

Подсчитав свои долги, Харе с ужасом понял, что всего за пару дней успел схлопотать уже несколько письменных выговоров.

«Так вот каково им приходилось в юности... — со вздохом подумал он. — Ну и суровую же школу жизни они прошли».

Ворвавшись в свою комнату, парень честно попытался сесть за работу и выдавил из себя рекордные двести слов. На этом его запал иссяк. Изнуренный до предела, Харе наспех принял душ, пластом рухнул на кровать и закрыл глаза, вновь мысленно возвращаясь к невероятным моментам, проведенным с молодыми родителями.

Но чем ярче вспыхивали воспоминания, тем сильнее улетал сон. В груди разливалось такое ликующее тепло, словно там безостановочно взрывались праздничные фейерверки. Ему до безумия хотелось поделиться этим восторгом хоть с кем-нибудь, иначе его бы просто разорвало от переполнявших чувств.

— Эй, голос... Ты тут? — позвал он, уставившись в потолок. В уголках его губ блуждала мягкая улыбка, а голос звучал непривычно нежно и чисто.

В это время в глубине врожденной территории Сукуны, лениво скрестив руки на груди,

восседал на горе окровавленных черепов. Он лишь презрительно скривил губы. Проклятие всё ещё злилось из-за их прошлой стычки и не собиралось снисходить до ответа какому-то мальчишке.

Харе перевернулся на бок, поудобнее обнял подушку и примирительно продолжил:

— Ну поговори со мной. Ты же обычно такой болтливый.

Кроме этого таинственного голоса в собственной голове, ему некому было довериться. Расскажи он кому-нибудь другому о том, как безумно счастлив встретить юных папу и маму — его тут же заперли бы в лечебнице для умалишенных.

Харе разочарованно опустил веки. Повисло долгое молчание. Похоже, невидимый собеседник не на шутку обиделся.

«Надо же, какой ранимый», — подумал юноша.

Но одиночество и жажда общения пересилили гордость, и он заговорил чуть мягче, словно пытаясь задобрить капризного ребенка:

— Обещаю, что больше не буду на тебя кричать. Ну же, отзовись, давай просто поболтаем...

Договорить он не успел. Пространство прямо перед его лицом подернулось рябью, закручиваясь в злое багрово-черный вихрь. В ту же секунду матрас рядом с Харе тяжело просел под чьим-то весом.

Вихрь рассеялся. Прямо на постели сидел рослый, широкоплечий мужчина с выражением глубочайшего презрения и надменности на лице. Когда их взгляды встретились, оба на мгновение оцепенели.

Незванный гость был облачен в свободное светлое юката. Его лицо и четыре мускулистые руки, выступающие из рукавов, покрывали причудливые угольно-черные узоры татуировок-символов. Харе так и застыл на боку, глупо хлопая ресницами и переводя ошарашенный взгляд с его лица на лишнюю пару мощных рук.

— Погоди-ка... Четыре руки?! — только и успел пискнуть парень.

Но стоило ему осознать страшную правду, как проклятие среагировало быстрее. Губы мужчины искривились в хищной, дьявольски красивой усмешке. Не говоря ни слова, он резко выбросил ногу вперед и со всей силы впечатал пятку Харе прямо в живот.

От мощнейшего удара Харе пушечным ядром отлетел в сторону. Лицо его исказилось от

невыносимой муки; он инстинктивно вцепился в живот, где только-только затянулась старая рана. Юноша с глухим стуком врезался спиной в деревянную стену и мешком рухнул на пол.

— Кх!.. Кха!.. — содрогаясь от кашля, Харе задышался. Кое-как преодолевая парализующую боль, он рывком поднялся на ноги. Не отнимая руки от ноющего живота, он уставился на незваного гостя. Пазл в его голове наконец сложился, уступая место всепоглощающей, взрывной ярости.

— Ты... Да как ты... Ты же... — задыхаясь от гнева, выдавил он.

От шока и ярости дыхание перехватило. Грудная клетка лихорадочно вздымалась, не позволяя связать и двух слов. Бледные щеки Харе залил пунцовый румянец гнева, а глаза опасно заблестели, наливаясь пугающей краснотой.

Сукуна понятия не имел, каким образом его призрачная плоть материализовалась в реальном мире, да и сил у него сейчас было совсем мало. Однако это нисколько не мешало ему от души поиздеваться над дерзким мальчишкой.

Он лениво опустил ноги с кровати, свысока разглядывая дрожащего от бешенства подростка. С наслаждением впитывая каждую каплю его страданий, Двуликий сладко протянул:

— Ну что, наконец-то узнал меня, сопляк?

Вместо ответа из горла Харе вырывался лишь прерывистый, сиплый хрип.

Сукуна насмешливо склонил голову набок, ухмыляясь во весь рот:

— Забавно. Обычно при моем виде маги трясутся от ужаса. Ну, или кривятся от омерзения. Но ты... Тебя же буквально наизнанку выворачивает от злости. Что такое? Неужто тебе так не нравится, что я поселился внутри твоего тела?

Его хриплый, вкрадчивый баритон под конец фразы опустился до шепота. Сукуна рассчитывал поиздеваться над магом, но из-за бархатных, обволакивающих интонаций его слова прозвучали пугающе интимно, двусмысленно.

Разум Харе грозил вот-вот отключиться от перегрузки. В самых страшных кошмарах он не мог представить, что тот злосчастный палец Сукуны, который он случайно проглотил, принадлежал самому Рёмэну Сукуне — чудовищу, лишившему жизни его родителей в будущем!

«Какой же я идиот! — билась в голове паническая мысль. — Столько времени изливать душу этому монстру, болтать с ним, как ни в чем не бывало!»

Сердце Харе бешено колотилось в ребра, дыхание окончательно сбилось. Он пытался совладать с паникой и лихорадочно соображал: почему? Каким образом этот ублюдок оказался запечатан именно в нем?

«Это ловушка? Его коварный план? Нет... Тётушка Сёко говорила, что Сукуна — безжалостный безумец, презирующий любые интриги. Но тогда как это вышло?»

«Черт, голова сейчас расколется...»

Он яростно мотнул головой, отгоняя наваждение. Харе даже не вслушивался в издевки Дзуликого — перед глазами стояла лишь его мерзкая, глумливая рожа, разжигавшая в груди лесной пожар безумной ярости.

— Ублюдок... — процедил сквозь зубы Харе, сжав челюсти так, что заходили желваки.

Но это лишь позабавило Сукуну, заставив его хрипло рассмеяться.

Он медленно поднял руку. Багровая проклятая энергия змеями скользнула по его длинным узловатым пальцам, концентрируясь на острых когтях. Окинув Харе ленивым взглядом хищника, Сукуна протянул:

— Ну же, дай мне подумать, как поинтереснее тебя освежевать, чтобы мы оба получили удовольствие. Смотри не сдохни слишком быстро, щенок.

Дзуликий уже замахнулся для удара, как вдруг осекся. Голубые, как чистое небо, глаза мальчишки заволокло влажной пеленой. Совершенно не вяжущиеся с его свирепым оскалом крупные, чистые слезы градом покатались по щекам.

— Я... я изорву тебя на куски... — всхлипнул Харе, отчаянно шмыгая носом. — Живьем закопаю, тварь... У-у-у...

Сукуна опешил.

— Чё?!

— Сука! — вновь выругался Харе, неуклюже поднимаясь и вставая в боевую стойку. Сотрясаясь от рыданий, он яростно выкрикнул: — Это всё... из-за тебя! Я здесь... только ради того... чтобы тебя уничтожить! Слышишь?!

Подросток рыдал навзрыд, глотая воздух и захлебываясь собственными слезами. Его несвязный лепет окончательно запутал грозное проклятие. Сукуна раздраженно нахмурился:

— Эй, ты чего устроил? Струсил, что ли? Я тебя даже толком не ударил.

— Да я от злости реву, кретин! — окончательно выходя из себя от стыда, закричал Харе, размазывая слезы грязными кулаками. — У меня... у меня просто эта дурацкая слезливая реакция! Когда я в ярости, слезы сами катятся, чтоб их!

Стоило эмоциям взять верх, как парень терял над собой всякий контроль. Чудовищная обида, злость и горечь вырвались наружу полноводной рекой, и слезы крупным бисером безостановочно катились из его покрасневших глаз.

Из-за рыданий его веки припухли, а кончик носа забавно порозовел. Однако за этим обманчиво хрупким, беззащитным обликом скрывалась смертоносная угроза. Сгусток проклятой энергии, сформировавшийся в его ладонях, пылал неподдельной жадой крови. С яростным криком Харе швырнул его прямо в голову Сукуны.

Король проклятий, явившийся из эпохи Хэйан, знать не знал ни о каких «слезливых реакциях», но находящийся перед ним сопляк забавлял его всё сильнее. Вид плачущего от бессильной ярости мальчишки невероятно поднимал Сукуне настроение. С ухмылкой перекрестив пальцы в ритуальном жесте, он приготовился знатно повеселиться.

В этот самый миг тишину коридора разорвал истошный, визгливый вой сирены.

Харе, уже летевший на врага с кулаками, резко затормозил в полушаге от постели. Осознание реальности обухом ударило по голове, и лицо парня мгновенно побелело.

— Черт... Только не это! — выдохнул он.

<http://bllate.org/book/19043/1917729>